

Виктор Есипов

— ПЕРЕД —
МРАКОМ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Е83

Е83 Есипов В. М.

Перед мраком. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. — 148 с.

ISBN 978-5-4469-2137-9

Виктор Есипов, поэт и литературовед, родился в 1939 г. в Москве, в семье художника-живописца. В 1961 г. окончил Калининградский технический институт рыбной промышленности как специалист по орудиям лова рыбы.

«Перед мраком» — его пятая книга. В неё вошли стихи, написанные в 2020–2021 гг. Многие из них публиковались в журналах России и зарубежья: «45-я параллель», «Дарьял», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Крещатик», «Артикль», «Новый свет», «Гос-тиная», «Дружба народов»; в «Литературной газете», в «НГ-Exlibris», в американском еженедельнике «Чайка» и др. изданиях.

Лауреат премии «Бежин луг» Союза российских писателей 2019 г., дипломант ряда всероссийских конкурсов. Живет в Праге.

Об этой книге

«Перед мраком» — моя пятая книга. В неё вошли стихи 2020–2021 годов. Резко изменившаяся во всём мире после 24 февраля 2022 года обстановка поставила меня перед выбором: или забыть про эти стихотворные свидетельства мирнотекущей жизни, или как можно быстрее опубликовать их. Потому что после указанной даты наступила ситуация, про которую сказано до нас: «Когда говорят пушки, музы молчат». Музы молчат или диктуют совсем иные строки.

Этими же соображениями обусловлено и название книги: стихи, представленные в ней, написаны до всех этих ужасных событий, совершающихся на наших глазах. Правда, и в них, в этих стихах, нет-нет да и проскакивало предощущение грядущего катаклизма. Например, в этом стихотворении лета 2021 года, написанном на даче,

ISBN 978-5-4469-2137-9

9 785446 921379 >

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© В. М. Есипов, 2022

которую отделяли от военного аэродрома
в посёлке Кубинка Московской области
какие-нибудь 30 километров:

* * *

Опять с утра ни ветерка,
и вижу, за ограду глядя, —
ещё ни жёлтого листка
в берёзовых поникших прядях.
Внизу репейник и осот,
природа любит парадоксы —
в саду гортензия цветёт,
и рядом лиловеют флоксы.
Картинке мирной вопреки,
ревя, проносятся над лесом
из Кубинки штурмовики,
как будто гонятся за бесом...
Машина катится, пыля,
к шоссе дорогой полевой...
И будто замерла земля
опять меж миром и войною.

Виктор Есипов

Перед мраком

* * *

Над полем, над лесом, над плёсом
мерцанье бесчисленных звёзд —
здесь нету проезда колёсам,
жильё далеко и погост.

Песок осыпается с кручи,
где сел у воды нелюдим
и в темень из трубки пахучей
пускает колечками дым.

Вот сон потихоньку находит,
погас в костерке уголёк —
он дремлет, но взгляда не сводит:
не дрогнет ли вдруг поплавок?

Лес замер — ни звука, ни стука,
не ухнут с надрывом сычи,
затишье, речная излука,
дозор рыболова в ночи.

Дежурит и видит сквозь дрему —
чуть-чуть розовеет восток —
живыми Фому и Ерёму,
дом отчий, где жизни исток.

Улыбки, знакомые лица —
и так эта явь далека!
Куда-то струится, струится,
как жизнь, утекает река...

* * *

Земной фонарь, холодное светило
среди ночной бескрайней темноты —
в лучах Луны магическая сила,
уже мы с нею, кажется, на «ты».
Вдруг вспомнится: в студенческой общаге —
в далёкие совсем уж времена —
несмелые объятья в полумраке
и в стёклах рамы полная луна.
Она во тьме всходила над Кодори
и от Кавказских гор за сотни миль
катилась вниз за Баренцево море,
когда стоял на море полный штиль.
Она всю жизнь — то кстати, то некстати —
как будто интересовалась мной:
глядела в окна дома на Арбате,
заглядывала в кухню на Тверской,
всем вопреки приличьям и законам...
И вот опять, в предчувствии весны,
висит, как шар воздушный, над балконом,
но снятся мне совсем иные сны.

* * *

Я не учился на филфаке,
в иной фактуре мой портрет —
с тельняшкою из-под рубахи
на фотографиях тех лет.
Мне лазить не пришлось по вантам,
но поболтало в двух морях —
ходил студентом-практикантом
на траулерах, сейнерах.
А жизнь вела меня упрямо
от брызг морских куда-то вкось —
нет, я не написал романа,
но биться с рифмами пришлось.
Сидишь порою над строкою,
качает ритм, как на волне,
а рифма рыбкой золотою
увенчивает строчку мне.
Но отдалялись, отдалялись
огни причальные, моря...

Вот жизнь прошла, куда девались
те мачты, сходни, якоря?
Швартовы где и ваер трала?
Я позабыл о той поре,
и не баркасы у причала,
а в ряд машины во дворе.

* * *

На фотографии отца,
она без подписи, без даты,
не пыль, а времени пыльца,
где дни событиями богаты.

След непарели по лицу,
что проступает с оборота, —
не скажешь, сколько лет отцу,
в глазах печаль или забота?

Уже явился я на свет
иль нет меня ещё в помине,
о чём кричат столбцы газет,
какие новости в Берлине?

Скрывает столько между строк
печати шрифт подслеповатый —
когда листаешь, как урок,
полуистлевший каталог
забытой выставки в тридцатых...

* * *

Я разбужен был без причины
на рассвете, часу в шестом,
звуком чьей-то шальной машины,
просигналившей за окном.
Сонный, ноги спустил с кушетки,
ощутил под ступнями пол,
шарить стал порошки-таблетки
и откупорил валидол.
Звёзд огарки в потёмках тлели,
был спокойствием полон дом —
вдруг представилось, как с постели
поднимали в тридцать седьмом...

* * *

По Поварской из института,
в мгновенье ока зонт раскрыв,
по лужам с радугой мазута,
под канонаду струй косых,
под этот ливень, как в июне —
того гляди, раздастся гром,
где пена в лужах, словно слюни,
и где во фраке грустный Бунин
стоит под мартовским дождём.

* * *

Это двор, в котором коньки отброшу,
каждый день выхожу в него из подъезда,
здесь с утра ветерок кроны лип ерошит,
жизнь своя течёт, словно месят тесто.

Двор обычный, без турников и корта,
без ваяний гипсовых двор московский,
этажа с седьмого два-три аккорда
донесутся: прислушаешься — Чайковский.

Поливает кто-то цветы из лейки,
кто-то мячик бросает щенку-грифону,
здесь и я сижу порой на скамейке,
говоря с тобою по телефону.

Я в делах житейских опять в пролёте
и опять не смыслю в них ни бельмеса...
Чья-то кошка греется на капоте
неостывшего мерседеса...

* * *

Я засыпаю без усилий,
как в воду, погружаясь в сон,
потом часа через четыре,
а то и пять, уходит он.

И, пробудившись — так ныряльщик
выныривает с глубины, —
я снова в жизнь влюблённый мальчик,
своей не знающий вины.

Прельстительного сна обрывки
ещё не отряхнув с лица,
я пью воспоминаний сливки,
так и не ведая конца.

Тот мир обманчиво прекрасен
и ослепительно красив...
В окне ночном, весь в белом, яшень
напоминает негатив.

* * *

Не расскажу, как было всё вначале,
как плакал альт и всхлипывал гобой...
Мы с ней простились утром на причале,
и палуба качнулась подо мной.

Она всегда была в плену мелодий
и знала тех певцов, кто знаменит...
А я служил матросом в рыбколхозе,
кефаль ловил, как Костя-одессит.

Она любила арии из опер,
из «Тоски» или «Чио-Чио-сан»...
Ночной звездой горел огонь на топе,
и сеть тянул лебёдки барабан.

Она любила музыку, короче —
и скрипка грела душу, и рояль...
От Туапсе ходили мы до Сочи,
где скумбрия гуляла и кефаль.

Крутилась патефонная пластинка,
мелькал в окне лица её овал...
На геленджикском сейнере «Тенгинка»
я меломанку эту вспоминал.

* * *

Там по утрам будил вороний грай
и было много неба, много света,
и тяжело погромыхивал трамвай,
тащась устало мимо райсовета.

Откуда эта тяга вспоминать
нож перочинный, стружки-завитушки?
Там рядышком ещё отец и мать
в тринадцатиметровой комнатухе.

С железной крышей двухэтажный дом,
убогий быт, всегда с деньгами туго —
сарай, голубятня за окном,
где собиралась в праздник вся округа.

Не в праздник, а скорее в выходной —
её владелец местной был звездой,
он с топором гонялся за женой
после получки каждой с перепою.

Там водка стоила два восемьдесят семь,
«Столичную» за три двенадцать брали —
среди тех событий важных и проблем
вдруг и такие вспомнятся детали.

Мужская школа, тучный завуч крут,
спортзал, химичка — страшная зануда,
а после школы — рыбный институт
и берег Тимирязевского пруда.

Там встречи с ней... Такие вот дела,
картинок столько в памяти роится...
Как ни убога молодость была,
а всё б отдал за то, чтоб возвратиться.

* * *

Поглядишь — и день не тяжек,
даже стало веселей,
над каре пятиэтажек
вьётся стайка голубей.
Вьют круги над головою
под порывом ветерка,
выше — небо голубое,
кучевые облака.
Кружит стая, будто тает
среди окраин городских,
на земле стоит хозяин
и любуется на них.
Возле старой голубятни
в Тимирязевке моей...
Этот миг забудешь вряд ли,
жизнь уходит безвозвратней,
с каждым годом всё быстрее.

* * *

Мы каждый день на волос от беды,
кто коньяком страхуется, кто водкой —
войди на Патриаршие пруды,
где этот сквер с чугунною решёткой.
Тут где-то рядом Аннушка жила,
о роковом бессмертье не мечтая,
она не здесь ли масло пролила
на рельсы ныне снятого трамвая?
В аллее двух прохожих разговор
(очки, портфель) булгаковского типа,
и на углу трёхглазый светофор
опасно веткой заслоняет липа...

* * *

Анекдот для читающей публики,
или как это ни называй,
только вспомнил плывущий сквозь сумерки
старомодный парижский трамвай.

Был июль, и туриста бездумная
жизнь в одной из великих столиц,
вдруг ватага беспутная, шумная —
все в коротеньких юбках — девиц.

Я подумал — вот это история
на исходе рабочего дня!
Но как бойко они тараторили,
не стесняясь нисколько меня.

Может, принцы им были обещаны,
может, выпили вместе «Клико»,
но смеялись распутные женщины
беззаботно, светло и легко.

* * *

Бунинский девятитомник,
тёмно-коричневый цвет...
Лес за оградой, крыжовник,
с кем я встречаюсь — секрет.
С женщиной, той же девчонкой...
В жилах холодный огонь —
помню, по талии тонкой
нежно скользила ладонь...
В платье то в тёмном, то в белом,
ветка рябины в окне —
помню, при встрече всем телом
вдруг припадала ко мне,
жарко щеками алея,
мой разделяла накал...
В бунинских «Тёмных аллеях»
тоже, случалось, плутал.

* * *

Под утро кричала чумная ворона,
и жаль, что прервался мой сон, —
взглянул, а погода как нота Керзона
из полузабытых времён.
На улицу вышел, да что со мной, право?
Растрава, по-аглицки — сплин,
и в нос мне машины то слева, то справа
газуют, сжигая бензин.
Лиловая туча над куполом храма,
сосед лабрадора ведёт,
зевает навстречу идущая дама,
раскрыв напوماженный рот...

* * *

Вспомнил лагерное лето,
пионерский городок...
Виолетта, Виолетта,
где теперь ты, мой дружок?

Мы шагаем парой первой,
а за нами двадцать пар,
это Кратово, наверно,
а возможно, Катуар.

Вместо пояса рубашка
с рукавами в узелок,
в поле клевер, то есть кашка,
фиолетчатый цветок.

Мы шагаем прямо в лето,
где речные зеркала...
Виолетта, Виолетта,
локон рыжий, ты жива?

* * *

Наш кот Радамес не из знатного рода,
точь-в-точь как его полосатые предки,
ему фиолетова всякая мода —
с рожденья своей не меняет расцветки.
Он в доме учтиво соседствует с нами,
глаза свои жёлтые жмурит от света,
четыре полосочки между ушами —
следы, по преданью, руки Магомета.

* * *

С каких понтов, чего-то ради,
невзгод смыкается кольцо?
И ходим, как на маскараде,
скрывая масками лицо.
Нам выживать другим на диво
не привыкать который год,
а кто-то пьёт спокойно пиво,
угрозу не берёт в расчёт.
И нет гулякам угомона,
широк российский человек:
коронавирус — не корона,
опять над крышей фейерверк...

* * *

Кто знает, отчего родятся строки —
естественны, как звуки на трубе, —
и вспомнится той жизни пласт далёкий,
когда я вдруг подумал о тебе?

Я был тогда упорен, как Зиганшин,
но, все мои надежды хороня —
я на двенадцать лет родился раньше, —
ты свысока смотрела на меня.

Из будки телефона-автомата,
страдая, но доверившись судьбе,
и с Пушкинской, и с Нового Арбата,
и с Павелецкой я звонил тебе.

Я знал всегда, что женщины жестоки,
шёл разговор — через колоду пень,
но голос твой был чистый и высокий,
хотя смолила — чуть не пачку в день.

Как всё вдруг изменилось? Я не знаю
и расскажу когда-нибудь потом...
Но снова вспоминаю, вспоминаю
перед доской гранитной на Донском.

* * *

Я сбросил на пол одеяло,
сел, пробудившись, на тахте...
Был сон, как явь, а ты лежала
передо мной в мгновенья те.
И слаще не было интима,
и горний свет не мерк в глазах,
и пела арфа серафима,
как будто мы на небесах...

* * *

И.

Вновь прихожу сюда порою
поставить свежие цветы —
всегда с повинной головою,
что всё живу ещё, а ты...
Чем мне ещё тебе потрафить?
Всё бьёт он, нежности родник...
Здесь столько грустных эпитафий,
роз увядающих, гвоздик.
И всё равно, зимой ли, летом,
в какой прийти придётся час,
у Кристалинской под портретом
стихи ошпарят всякий раз —
слова, исполненные смысла,
их без волненья не прочтёшь:
«Ты не ушла, ты просто вышла,
вернёшься и опять spoёшь»...
Вот так и ты, как приступ жажды,
к тебе стремлюсь сквозь годы я —
и ты, мне кажется, однажды
возникнешь из небытия.

Поправив на носу оправу,
и с миной строгой, но не злой,
вдруг спросишь: по какому праву
я потревожил твой покой?
Какие тут сгодятся мерки,
чтоб оценить такой расклад?..
С зонтом раскрытым возле церкви,
гася эмоций фейерверки,
стою, застыв, потупив взгляд.

* * *

В. В.

За столиком — стареющий мужчина,
и с ним другой — в уютном ресторане...
Вдруг вспомнилось сегодня, в чём причина,
И видится всё это, как в тумане.

Сорила осень яркою листвою,
но речь велась совсем не о погоде —
ведь это ты да я да мы с тобою
вдвоём сидели, помнится, Володя.

О том рядили, что творится в мире,
о чём долдонят радио и пресса,
и после рюмки водки под сациви
ты заказал по чашечке эспрессо.

Официанточки мелькали в зале,
лохматый шпиц привязан был у входа,
а мы сидели и не представляли,
что ожидает нас через полгода.

День за окном был сумрачным и мгlistым,
ты закурил, прощаясь, сигарету...
Та встреча в ресторане «Монте-Кристо» —
и нет тебя, и ресторана нету.

Пока живём, пока бывшее жжётся
и не мелеет времени река,
пусть, кто не рад, башкой о стенку бьётся,
Мясницкой эта улица зовётся —
не именем советского князька.

* * *

Всё в этом мире временно,
как осени пожар, —
опять вступаю медленно
на Яузский бульвар.
Ах, время заполошное,
уродливая статья,
и кто мне может в прошлое
дорогу указать?
Прошу не беспокоиться,
приметы знаю сам —
Живоначалной Троицы
остался сзади храм.
Вон впереди афишами
пестрит «Иллюзион»,
и облака над крышами
остались с тех времён.
Смертельной нету паузы,
и всё ещё путём —
пересекая Яузу,
иду в высотный дом.

С бойницами оконными —
его помпезный стиль,
где ждут меня Аксёновы —
и Майя, и Василь
Палыч...

* * *

Музейная до неба зона,
Афины предстают с высот,
туристы возле Парфенона —
внутри толпы экскурсовод
заводится с пол-оборота,
колонн обрубки, словно пни, —
спускаемся,
на память фото,
у храма Ники мы одни...
Прозрачно небо, воздух чистый,
прицелы кинокамер, смех,
как муравьи, гуськом туристы
снуют по склону вниз и вверх.
Снимает с солнца ветер стружку,
и жаром веет от земли,
слышна в Акрополе кукушка,
как в переделкинской дали.
И нету лучшего лекарства
от вожделений и обид:
рождались царства, гибли царства,
а птица всё ещё кричит.

Уравнены орёл и решка
в бездонной времени реке...
Вдвоём в ближайшую кафешку
спускаемся, рука в руке.

* * *

Ночь опрокинута на треть,
боль утихает понемногу,
принять, смириться и терпеть —
такая заповедь у Бога.
В больнице тихо и темно,
ни стопа громкого, ни скрипа,
смотрю в просторное окно,
прищурив глаз от недосыпа.
Ночному мраку вопреки,
светясь рубинами попарно,
видны Каширки маяки
для вертолётов санитарных.
Ночная тьма, ночная высь,
две роковые башни рядом —
внезапно согревает мысль,
что мне туда пока не надо...

* * *

В.

Умаясь за день, не спяна,
сосед в углу храпит привычно,
сегодня полная луна
повисла за окном больничным.
И вот, как лодка на мели,
я распростёрт в палате сонной —
после того как привезли
меня из операционной.
Отходит медленно наркоз,
ступни теплеют и ладони,
и это трогает до слёз,
как днём твой голос в телефоне.
Сквозь эту ночь приди ко мне,
явись во сне, пройди сквозь стену —
шепчу, в сознание не вполне...
А утром кровь на простыне,
когда сестрица колет в вену.

* * *

Я не поклонник музыки Асафьева,
ни камерных прелюдий, ни балета,
но встретить посчастливилось Астафьева —
на двухсотлетие первого Поэта.

Он обладал талантом феерическим,
но не любил писательскую пену —
в уборной мы сидели артистической,
волнуясь перед выходом на сцену.

В нём не было писательского, барского,
я встретился с ним, как на полустанке,
на сцене драмтеатра Красноярского,
но не сподобился доехать до Овсянки...

* * *

Зелёный свет, толпа у перехода,
непроизвольно ускоряю шаг,
такая нынче выдалась погода,
что расстегнуть приходится пиджак,
а также ворот, и расправить плечи,
и о расчёске вспомнить вдруг, хотя
ладонью мне вихры пригладил ветер,
как ты когда-то делала, шутя.
Косит фонарь, свет в арке фиолетов,
и в мыслях романтический туман,
когда иду со сборища поэтов
не подшофе, а совершенно пьян.

* * *

В.

Повезло, свершилось, подфартило,
оказалось, все преграды — блеф,
на полдня меня опередила,
к месту встречи утром прилетев.
Ну, а я, сомнения и заботы
сдав в багаж, доверился судьбе —
с неба, пассажир «Аэрофлота»,
падая стремительно к тебе.
Знал, что ты безумно будешь рада,
что пойдёт объятий беспредел...
Самолёт снижался над Белградом,
день в иллюминаторе горел.

* * *

В.

Есть в Карловцах памятник Врангелю —
в папахе казацкой, с усами,
подобием чёрного ангела
в черкеске стоит с газырями.

С масштабной глядят фотографии
соратники и сослуживцы,
судьбе они чем не потрафили?
Суровые честные лица.

Крещённые жаром и стужей...
Слезились глаза не от дыма,
когда отплывали с оружием
во тьму от российского Крыма.

Кто в Сербию, кто в Черногорию
на чью-то несладкую милость...
Двадцатого века история
ещё до конца не сложилась.

* * *

Арбат включал период жизни важный,
здесь на углу так часто я бывал
и помню магазин писчебумажный,
где ресторан сегодня «Тадж Махал».

Причудливо тут жизнь струилась наша,
вверху, почти что с небом наравне,
здесь, помнится, жила тогда Наташа,
огонь светился у неё в окне.

Прогуливалась кошка по карнизу,
под ним троллейбус штангой шелестел,
машин сигналы доносились снизу,
не громче допустимых децибел.

Троллейбус номер два, окно с луною,
катились в горку весело года...
Арбат, Арбат, что случилось с тобою?
И что со мной?
Вернуться бы туда!

* * *

И когда на последнем пределе,
захрипев, повалюсь на кровать
и душа не удержится в теле,
станут в церкви меня отпевать.
Будет кто-то давиться слезами,
кто-то мучить в ладонях букет,
и, как водится, ве-е-чную память
пропоёт мне священник вослед.
Дети, жёны, друзья и подруги
пусть припомнят — была не была! —
в этом тесном возлюбленном круге
все поступки мои и дела...
Пусть бурлит, как обычно, столица,
гул стоит, смотрят в воду мосты,
ну, а я, разглядев ваши лица,
улыбнусь с неземной высоты.

* * *

Вам как, не знаю, ну а мне не нравится
(пусть кто-то рядом скажет: «Повезло!»),
когда с улыбкой женщина-красавица
вдруг место уступает мне в метро.
Она встаёт, прекрасное создание,
на мой внезапный ужас и позор,
как будто я в судебном заседании
себе суровый слышу приговор...

* * *

Вот теперь сам себе завидую:
лето, молодость — это класс!
Запорожцем до Красновидово
я подбрасывал их не раз.

Вспомнил, а по какому случаю?
Нет заметок в календаре —
редкий лес, облака над кручею,
лист багряный по той поре.

Оба взысканы строго музою,
с ней в согласии каждый шаг,
а ещё этот дом под Рузою
и тропинка через овраг.

Помню Лебедев-Ром с гитарою,
водка, жгучая в те года,
но всегда неизменно парою,
парой в памяти — навсегда.

Будто рядом сидели давеча
в доме Балтера... Как сквозь дым,
вижу снова Семён Изральича,
Инну Львовну, конечно, с ним.

* * *

Я краснею при ней и бледнею —
ростом мал, ну и не знаменит,
но условились встретиться с нею
на бульваре, где Пушкин стоит.

Неужели придёт в самом деле?
Захотелось пригубить вина!
Небо хмурилось, листья летели,
наконец появилась она.

Дорогая моя, дорогая,
я ж поклонник восторженный твой!
Вместе, слаженно в ногу шагая,
прошвырнулись мы с ней по Тверской.

Я в кафе предлагал ей учтиво
заглянуть, а не то в ресторан,
но она поглядела игриво
и ответила: «Но пасаран!»

А в метро, неземное создание,
улыбнулась мне — мол, не горюй,
и представьте — в момент расставанья
подарила мне вдруг поцелуй.

* * *

Что нам история чужая,
дела и быт чужого дяди,
идём с тобою вдоль Дуная,
рука в руке, на воду глядя.
Не поздний час, но небо мглисто,
и что-то помнится, однако,
ну, например, «Прелюды» Листа
иль Петефи у Пастернака,
язык — не выговоришь слова...
Дуная берег украшает
парламент — копия другого,
что воды Темзы отражают...
Кварталов чёткие квадраты,
а день становится дождливым,
Здесь дважды русские солдаты
с коротким были перерывом...
Живём, не трогая былого,
да не покинет нас надежда,
но пули пятьдесят шестого
застряли в стенах Будапешта.

* * *

Мне всё в твоём облике нравится,
что мягок твой нрав, а не крут,
что ты в самом деле красавица
на самый взыскательный суд.

Тепло твоё чувствую кожей,
хоть ты далеко от меня —
и это не фраза расхожая,
а встречного отблеск огня.

Известьями делимся скудными —
и снова, была не была,
парим над житейскими буднями,
фантазий расправив крыла.

С полотен Шагала слетевшие,
над Пресней, над Влтавой парим,
мы оба с тобой сумасшедшие:
молчишь — говорю — говорим...

* * *

Весь в солнце в такую погоду
у дома напротив фасад,
моё же окно не к восходу,
а смотрит, увы, на закат.

Позавтракав, чаю напившись,
тасуя с предложом глагол,
сизжу себе, облокотившись
локтями на письменный стол.

На полке Тарковский, Чухонцев,
с пасхальной раскраской яйцо,
как вдруг отражённое солнце
так ярко ударит в лицо...

* * *

Медленно давая задний ход,
тихо просыпается Европа,
но пока темнит «Аэрофлот»,
ни экспрессов нам, ни автостопа.

Где же нам обняться предстоит?
Я твой Гумберт, ты — моя Лолита.
Будапешт закрыт, Париж закрыт,
но как будто Греция открыта.

Сайты врут, информагентства врут,
ищем вариант, ещё не вечер —
может быть, отыщется маршрут
для невероятной нашей встречи?

Дни сверяем по календарю,
будто Штирлиц или Мата Хари,
и кричу, что я тебя люблю,
на пустом Рождественском бульваре...

Годовые кольца

ЗИМА

* * *

Скользну на воздух втихомолку
с последствий праздничной поры,
оставив за дверями ёлку,
её стеклянные шары.

Всё утром празднично и странно —
ты будто рядом, в двух шагах,
и это трогает неожиданно
до влаги режущей в глазах.

И солнце, вплавленное в дымку,
и белый-белый окоём,
душа вздыхает под сурдинку —
не разберёшь, грустит о чём.

Как будто спрашивает робко:
«А что, и вправду новый год?..»
В снегу протоптанная тропка,
куда меня она ведёт?

* * *

Э. С.

Январский день встаёт с порошею
и откровеньем с бороною,
что в жизни светлое, хорошее
переплетается с бедою.
Посмотришь, перспектива та ещё
приоткрывается без грима,
как смерть на Новый год товарища,
нелепа и необъяснима.

* * *

Густой и влажный снегопад сегодня —
он замечает свежие следы,
проходит хмель от встречи новогодней,
и резче ощущение беды.

Хоть ничего как будто не случилось
и не случится, кажется, уже,
но эта дня январского унылость
особенно сегодня по душе.

И пусть невольно привлечёт внимание
нить лампочек, светящихся в окне,
я, изучив науку расставанья,
доволен одиночеством вполне.

* * *

Ночью ломился в оконницу ветер,
будто бы кто-то играл на гобое
или, скорее, играл на кларнете,
стёкла секло ледяною крупюю.

То холодильник включал обороты,
то я и сам ощущал, что не спится, —
снилось под утро абстрактное что-то,
не возникали знакомые лица...

Утром ослеп после взгляда в окошко:
снег на траве, на ветвях, на ограде,
и умывалась проказница-кошка,
ночь промурлыкав в хозяйской кровати.

Кофе не стоило б пить спозаранку,
но выпиваю, не сладив с собою, —
и выхожу, нахлобучив ушанку,
в утро туманное, в утро седое...

* * *

Будто с неба известие —
так по мне ты пришлась!
Но пока всё, что есть у нас, —
телефонная связь.

С новостями горячими
среди дневной мишуры...
Друг с ушами стоячими,
проходные дворы.

Мы шагаем с ним парюю
по остывшей земле,
ослепляет нас фарами
чей-то вдруг шевроле.

Небо хмурое, мглистое,
лёд хрустит под ногой,
и всё думаю пристально:
как мы будем с тобой?..

Ни созвездий, ни месяца,
всё затихло давно,
лишь в ночи чьё-то светится
угловое окно...

* * *

Припомнишь в разгар карантина
из песни сюжетик простой:
мы тоже как дуб и рябина,
граница меж нами — рекой.

Любовники, нет — бедолаги,
смартфонов касаясь щекой,
гуляем с тобою по Праге:
ты там, а я здесь — на Донской...

* * *

Любви доверясь и надежде,
как высшей степени родства,
ловили счастье в Будапеште
в канун весёлый Рождества.

Здесь было всё, где мы бродили:
палаток ярмарочных свет,
вертеп, костёл, смещение стилей,
по-над Дунаем парашет.

Я вспоминать не стану всуе
ни через день, ни через год
объятий сладость в поцелуе...
Стоит на старте самолёт,

Взлетит — и канут за чертою
трап, дождик в аэропорту...
Семь дней был полон мир тобою,
а улетаю в пустоту.

* * *

Итак, отбываем по новой
бесстрастный зимы приговор,
где слушает рокот Садовой
московский с сугробами двор.

Вороны, а может, сороки
в седых колготятся ветвях —
нам всем эти впаяны сроки
с продрогшей землёй на паях.

И стылое небо над нами,
и всё — как придётся, впритык,
по снегу скрипит сапогами
прохожий, подняв воротник.

Зима погибает всё туже,
найди на неё окорот!
Понять бы: тоска или стужа
до рёбер порой проберёт.

Безрадостной зоны картина,
где краски и звуки честны...
Сугроб, а в сугробе машина,
застрявшая в нём до весны.

* * *

Дом девятиэтажный,
сугробы у оград,
опять густой и влажный
тишайший снегопад.

Рассвет в оконной раме,
на стёклах снежный пух,
и эти строчки сами
ложатся мне на слух.

Скажи, ты помнишь это,
как в сказке, как в раю,
беспамятное лето
вдвоём в чужом краю?

Ведь было в самом деле —
бескрайний окоём,
туристами в отеле
живём с тобой вдвоём.

Предутренняя нега
в забвении беды...
По выпавшему снегу
следы, следы, следы.

* * *

Ты не рада зиме? Я не рад.
И душе успокоиться нечем.
До чего надоед снегопад,
снег на шапку ложится, на плечи.

Климатический тут перекося —
как ни кинь, будет клин по-любому:
сыро, холодно, и даже пёс
тянет очень настойчиво к дому.

Занесло и проспект, и квартал,
снежным выплескам нет угомона,
как Калашников-друг написал,
мы опять в самом центре циклона.

И за что, вроде нету вины,
эти ветра метельные сшибки?
Очень нужно дожить до весны,
до объятий твоих, до улыбки...

* * *

Здесь частных тысячи историй
под солнцем мартовского дня —
Донской семейный крематорий,
где прах оставила родня.

Пылают красные гвоздики —
четыре в стынущей руке,
я не Орфей, нет Эвридики,
но жизнь почти на волоске.

Здесь ни раскаянья, ни злобы,
обида прошлые не в счёт —
надгробья, белые сугробы,
и под ногами голый лёд...

* * *

Гряда облаков, как из жести,
над снегом, над парком — вдвоём,
хоть чем-то мы связаны вместе,
а всё ж параллельно идём.

Дорожкой — не той, что короче,
а той, вдоль которой забор, —
прогулка приятная очень,
сердечный такой разговор.

Такие простые подарки —
улыбка и взгляд вместо роз,
прогулка в Лефортовском парке,
когда минус десять мороз.

* * *

Как мыслям не прийти тревожным —
поближе к полночи, не днём,
на повороте внедорожник,
и слева дама за рулём.

Колёса вывернуты круто,
в полночный час в чужом дворе
она звонит, звонит кому-то
в тревожно-вьюжном январе.

Кому? Наверное, мужчине.
Как отпустил такую он?
Сидит одна в большой машине,
и в правой ручке телефон...

* * *

Февральский день, убогое предместье,
осточертевший этот вид в окне,
но вдруг одно хорошее известье —
и ты, как говорится, на коне.
Из пепельницы, значит, прочь окурки,
а из души — трава и печаль...
Дождь проливной, стихи в «Литературке»,
и затяжной кончается февраль.

* * *

Я ехал, интереса ради,
в давно знакомый мне музей,
то вверх взлетал по эстакаде,
то возле храма брал правей.

Зимы роскошная картина
искрилась бисером в окне —
даль голубела, и машина
плыла по снежной колее.

Плыла вдоль кладбища, дорогой —
когда-то он ходил по ней,
и оказался день, ей-богу,
одним из памятных мне дней!

Кому Париж, кому Итака,
я эту память берегу:
музей Бориса Пастернака
и Переделкино в снегу.

* * *

В. К.

В каком ключе, каким стихом —
здесьгодились бы октавы —
живописать, как под зонтом
идёшь по набережной Влтавы?

Да и возможны ли стихи,
когда, сгорая в каждой фразе,
гуляя вдоль Москвы-реки,
с тобою нахожусь на связи?

Ты здесь?.. Но не снимают боль
все достижения прогресса,
когда в кафе французском “Paul”
одновременно пьём эспрессо...

Мне не прильнуть к тебе щекой,
не сжать твою в ладони руку,
хочу оставить за чертой
дождь ледяной, и зимний зной,
и эту подлую разлуку...

* * *

Двойные заклеены рамы,
в углу без лампадки икона —
в окно видно часть панорамы
соседнего микрорайона.

Февральский закат акварельный,
в хрустальных сосульках карнизы,
и пар от соседней котельной
вздывается облаком сизым.

Едва ли запишут в скрижали,
просеяв сквозь времени сито,
обыденной жизни детали,
кусочки квартирного быта.

Ведь это копейки не стоит —
исчезнет, во мгле растворится,
и будущий будет историк
всё воссоздавать по крупичкам:

и времени злые напасти,
и жизнь бестолковую эту,
где мы сквозь метанья и страсти
к незримому тянемся свету...

* * *

Небо снова как будто из жести
или тлеющий еле экран,
и опять нехорошие вести —
гонят русский спецназ в Казахстан.

Значит, мучит дурная забота
тех, что в жизни бесцветны, как моль,
и летят, и летят самолёты
на людские страдания и боль.

В этом мареве лжи и обмана
страшно думать, что нам предстоит,
и с рассвета, как свежая рана,
по тебе моё сердце болит...

Да, зима. Ничего не попишешь,
вот и ветер нам гонит пургу —
темень, снегом покрытые крыши
и дворы проходные в снегу.

ВЕСНА

* * *

Знаешь, а зимы немного жалко,
слишком оказалась коротка —
оттепелей с вьюгой перепалка,
музыка с недалежного катка.

Строй сосуллек, свесившихся низко,
дым котельной в небе голубом,
в мессенджере наша переписка —
всё уже затеряно в былом.

Жизнь приятней видится в апреле,
в порт пришли надежды корабли,
отхрипели вьюги и метели
и в свои берлоги уползли.

Дни другую приняли раскраску,
засинела уличная даль,
куличики пекут уже на Пасху,
ну а мне зимы ушедшей жаль.

Тропку от сугроба до сугроба,
снег на подоконнике, капель...
Выпьем водки «Зимняя дорога»,
даром что на улице апрель!

* * *

Небо стало голубей,
потеплело...
Где ты, свет моих очей, —
улетела?

Не помогут ни ютуб
здесь, ни кофе —
помню вырез твоих губ,
милый профиль.

Мысли грустные гоню
стопкой браги,
фотографию храню,
что из Праги.

В ежедневной кутерьме
неизбежной
вспоминаю о тебе
нежно, нежно.

* * *

Произвольно возникают
профиль, губы, цвет волос...
В ближнем сквере выгорает
снег меж комлями берёз.
Не нарушить карантина,
не сойтись руке с рукой —
как тогда Борис с Мариной,
в тех же пунктах мы с тобой.
Не про нас, видать, с тобою
запоздалая весна...
Синева над головою,
под ногами белизна.

* * *

Сойди на станции Раздоры
в обыкновенный серый день,
пусть электричка или скорый
отбросят на откосы тень.
Окинь с пустынного перрона
пристанционный реквизит —
унылый вид. Вспорхнув, ворона
накаרקать что-то норовит.
Под сумрачно-пастельным небом
острее грусть, черней печаль —
возврат зимы, и мокрым снегом
занесены поля и даль.

* * *

В печи с наступлением марта
трещат веселее дрова,
уж нет у мороза азарта,
лютует спустя рукава.

Несладко зиме, как бабушке:
хозяйственных уйма прорех,
развязно спустили сосульки
прозрачные ноги со стрех.

Луч солнца сквознул по террасам,
знать, скоро наладится жисть —
грачи прилетели, Саврасов
с похмелья берётся за кисть.

* * *

Дрожат балконные перила,
как будто заповедь твердя, —
сквозит отчаянная сила
в струях весеннего дождя.

А дождь, что юноша, украдкой
притронулся щекой к щеке —
и снег сгорает, как подкладка
на очень старом пиджаке.

И мы сгораем с ним, не так ли?
Всё ощутимей счёт потерь...
Летят нечаянные капли
в распахнутую настежь дверь.

* * *

Капелью с крыш сочились здания,
как будто был зиме капут,
а ты совсем без опоздания
зашла за мною в институт.

Снег от дождя горел и плавился —
такое чудо в январе, —
я до метро с тобой отправился,
машину бросив во дворе.

Не муж с женой, не как любовники
(я помню слева профиль твой) —
душой безгрешные, как школьники,
мы шли к метро по Поварской...

Мы шли по тротуарам тающим,
звук приходил издалека
мажорный — лишь по белым клавишам
летала лёгкая рука.

* * *

Гляжу наутро после Пасхи
с балкона в городскую даль —
как жаждет мир тепла и ласки
и как легка его печаль.

И вот опять: «Не спи, художник!»
И неразрывна с миром связь,
и беззаботный мелкий дождик
едва идёт, едва сочась.

И, значит, он кому-то нужен,
как друг для друга мы с тобой,
как проплывающий по лужам
автобус этот голубой.

* * *

Тут ни Сбербанк не в теме, ни Госстрах —
мой возраст в зоне риска, в этом дело,
и вот я заперт в четырёх стенах,
мотаюсь по квартире очумело.

От ноутбука — в кухню — в коридор,
там кот шипит, и пёс встречает лаем,
как К. С. С., известный режиссёр,
я свой арест домашний отбываю.

И весь апрель такая дребедень:
встаю — под душ, потом — за чашку чая,
и впереди как будто целый день,
а сделать ничего не успеваю!

* * *

Сырые тучи над Усадковым,
и ветер северный в лицо,
жена: «Купи немного сладкого,
когда окажешься в сельпо».

У пса всегда глаза несытые,
и у кота печаль в глазах,
дорога дождичком размытая,
но я шагаю в сапогах.

«Мороженое есть в стаканчиках
или фруктовый мармелад», —
а вдоль дороги одуванчики
ещё без шапочек стоят.

За полем сразу ёлки лесенкой,
и в них берёзовый замес,
иду и напеваю песенку,
романс Тургенева И. С.

* * *

В мае холодно на даче —
запоздалая весна,
пёс и кот от стужи плачут,
дождь по шиферу фигачит,
гениальный труд не начат,
согласитесь, не до сна!

Открываю в печке топку,
приготовлены дрова,
выпиваю водки стопку,
десять щепок на растопку,
в ход газет пускаю стопку —
поджигаю, и ура!

Весело трещат поленья —
наблюдаю сквозь стекло,
как идёт процесс горенья,
лает пёс, кошачье пенье
поднимает настроенье —
стало в домике тепло!

В жизни есть такие штуки,
ни одной не пренебречь:
кто-то любит буги-вуги,
кто-то вяжет шарф со скуки,
у меня в ожогах руки —
я топлю на даче печь.

* * *

Сначала день был мрачноват,
но в полдень солнце засияло,
а часом позже выпал град
и кот полез под одеяло.

В серёжках красных тополя,
двенадцать плюс почти как праздник,
но ночью — снова до нуля,
так нас весна, зараза, дразнит.

И лучше ей не прекословь,
мол, всё обманчиво и зыбко —
она как первая любовь,
как осторожная улыбка.

* * *

Какие дни настали славные,
и не во сне, а наяву,
и, перешёптываясь, яблони
макают кроны в синеву.

Ещё далёк период зрелости
и не зацвёл вишнёвый сад,
но упоительные мелочи
весною поздней тешат взгляд.

С мячом играющие мальчики,
девицы со страниц Золя
и золотые одуванчики,
заполонившие поля!

* * *

Когда мутны небес верхи
и равновесья нет в природе,
кричат в деревне петухи,
наверное, к плохой погоде.

Ещё не вскопан огород
и далеко до урожая,
в садах черёмуха цветёт
и цвет в траву, как снег, роняет.

Озябший кот у двери в дом —
и кошке хочется согреться,
шатры пустые над прудом
прибрежных ив — привет из детства.

Сменился век, и сельский быт
сдаётся, кажется, на милость...
Но социолог поглядит:
здесь ничего не изменилось!

* * *

Гнут ветки голые и хвою
весны холодной сквозняки,
дождь моросит, а мы с тобою
вновь друг от друга далеки...
Все пограничные заставы
как будто с пальцем на курке,
идёшь по набережной Влтавы —
смартфон вибрирует в руке.
Наверно, туфельки разбухли,
пальто насквозь, мой пражский друг,
и только буквы, только буквы
да в телефонной трубке звук.

* * *

Словно утром ворона накаркала
или связи мобильной обвал —
в суматохе апреля неяркого
на полдня я тебя потерял.
Ты редакторка, ты учителька,
не последнее ведь ремесло,
на какие же пражские высылки
вдруг тебя, как назло, занесло?
А потом, снизойдя к моим хлопотам,
вдруг откуда-то снова взялась —
обжигаяешь словами и шёпотом,
сотрясая мобильную связь.
То смеёшься, то просишь прощения,
и «грущу» говоришь, и «люблю»,
взбудораженной жизни течение
возвращая в свою колею.

* * *

По-над крышами воздух синий,
а в кустах воробьёв возня,
ты уехала на машине,
ты уехала на два дня.

И не то чтобы накипело,
не с обиды и не со зла,
просто в жизни, такое дело,
есть свои у тебя дела.

А пристал я к тебе так крепко,
что и каждой минуты жаль —
вот иду, нахлобучив кепку,
чтоб развеять тоску-печаль.

Угол улицы, колокольня,
но иду я совсем не в храм...
Будто так наказала больно,
а за что, и не знаю сам.

* * *

Я вспомнил напряжённый зал
и монолог с экрана страстный —
Шукшин судьбу свою связал
посмертную с «Калиной красной».
Я вспомнил и о фильме том,
и о служенье людям делом,
взглянув, как под моим окном
цветёт калина цветом белым.

* * *

Небо серое, как ртуть,
местность скромная, укромная,
если с трассы повернуть,
вниз ведёт дорожка ровная.

Елей тёмных окоём,
клёнов свежие кафтанчики,
ночью ливневым дождём
будто смыло одуванчики.

А ромашка зацвела,
ветер к веткам клонит веточки,
где-то здесь она жила —
живы в памяти заметочки.

Поцелуй просто так,
с молока на завтрак пеночка...
Трёхэтажный особняк,
где стояла пятистеночка.

* * *

Спалось отлично на террасе,
под говор листьев за стеной,
пока Москвой гуляли с Васей,
с Аксёновым прекрасным Васей,
и Вася снова был живой.

Покровкой шли и шли Арбатом,
приняв бордоского вина...
А утром глянул — дождик с градом,
но это чувство, что он рядом,
не оставляло после сна.

ЛЕТО

* * *

Вам из Усадково с любовью,
где комариный хоровод,
пробилось лето в Подмоскowie
сквозь частоколы непогод.
Кругом свежи и ярки краски,
а солнце припекает лоб —
траву косили на участке,
кинзу сажали и укроп.
Вьюнок завился мелким бесом,
в бутонах ирисы пока,
и словно замерли над лесом
тюками хлопка облака.
Источник новых вдохновений
и соловьиных фон рулад —
густые заросли сирени
вдоль изгородей и оград...

* * *

Начала лета дни прозрачные,
пусть кто-то преет взаперти,
а я люблю прогулки дачные,
когда жара до тридцати.

Брожу тропинками, просёлками,
дивясь на клёны и дубы,
ведь под берёзами и ёлками
ещё не вылезли грибы.

С листвой играет ветер в салочки,
весёлый, прямо озорной,
а захочу вдруг пива в баночке —
иду дорогой полевой.

Где оводы летают тучами
и где волнуется овёс,
а впереди с хвостом закрученным
бежит мой чёрно-белый пёс.

* * *

Вот, кажется, грянуло лето,
и тянет к сухому вину,
жизнь вновь хороша, как Бабетта,
что в юности шла на войну.
И настезь оконная рама —
там птицы и неба слюда, —
на сердце бубновая дама
опять, как в былые года.
И, кажется, нет угомону
и сил этикет соблюсти...
А липа, вплотную к балкону,
готова уже зацвести.
Спектакль, многоактная пьеса,
где дождь в персонажах и гром,
и листьев сплошная завеса
до осени вновь за окном...

* * *

Мне погода такая нравится,
утром сразу же двадцать пять:
лето ширится, воздух плавится,
настоящая благодать.

Это празднество не нарушу я
тем, что в памяти, в глубине...
Просыпаясь, лежу и слушаю,
как листва шелестит в окне.

Дождь ли, солнце — какая разница,
небо в сером ли, в голубом?
То-то бабочки-шоколадницы
оккупировали весь дом.

Всё свершается, что завещано
зимней стужею, миг лови!..
А земля горяча, как женщина
в опьянении от любви.

* * *

Я расстегнул рубахи ворот,
под лёгкой кепкой кудри спрятав,
жара обрушилась на город,
как и в две тысячи десятых.
Пусть ангел да пребудет с нами,
как в незапамятных поверьях, —
течёт асфальт, пылают камни,
желтеют листья на деревьях.
Потеют лысины и спины,
и закипает кровь в аортах,
и седовласые мужчины
в футболках щеголяют, в шортах.
Как жарко в нынешнее лето —
жара не просто, а в квадрате,
и женщины полуодеты
так соблазнительно и кстати...

* * *

Вдруг птичка влетела в окно,
но я не обрадован гостье —
примета известна давно,
меня успокаивать бросьте.
Шиповник пылал, мошкара
вилась над кустом бересклета...
Подумал: пора так пора,
но как я оставляю всё это?

* * *

В. К.

Все тут в плавках и в бикини,
волн о берег слышен стук,
водомеркою по сини
самолёт скользит на юг.

Шутки, пляжная беспечность,
моря плеск в сиянье дня —
вот и кажется, что вечность
есть в запасе у меня.

Будто мне и нам с тобою
никогда не выйдет срок,
что махровой простынёю
сбросил годы на песок.

За плечом — твой милый голос,
ниже — моря лазурит...
Самолёт плывёт на Родос,
даже, может быть, на Крит.

* * *

Опять с утра ни ветерка,
и вижу, за ограду глядя, —
ещё ни жёлтого листка
в берёзовых поникших прядях.

Внизу репейник и осот,
природа любит парадоксы —
в саду гортензия цветёт,
и рядом лиловеют флоксы.

Картинке мирной вопреки,
ревя, проносятся над лесом
из Кубинки штурмовики,
как будто гонятся за бесом...

Машина катится, пыля,
к шоссе дорогой полевою...
И будто замерла земля
опять меж миром и войною.

* * *

А. К.

А я загораю на даче —
три месяца будет почти,
в запасе ни водки, ни чачи,
и не к кому в гости пойти.

Такая, казалось бы, скука,
свихнулся б, наверно, давно,
когда б не экран ноутбука —
в другую реальность окно.

Да рядом собака и кошка,
законные члены семьи,
да сад, да с грибами лукошко,
да краски вечерней зари.

Там где-то Тучково и Руза,
за полем, за краем небес,
и зычный гудок большегруза
доносится к нам через лес.

* * *

Фотография, пляж в ле Ционе...
Всё по-прежнему, годы не в счёт:
расцветёт резеда на балконе
и по осени вновь отцветёт.

Не найти подходящего клина,
чтобы клин из души вышибать, —
ты восторг, ты беда, ты Селина
научила по-русски звучать.

Это было последнее лето,
помню полуулыбку твою,
так и быть, запали сигарету,
ну, а я от тебя прикурю.

Всё проходит, считается, кроме...
На Донском захоронен твой прах...
Фотография. Пляж в ле Ционе,
с полотенцем стоишь на плечах.

* * *

Тут ни возни, ни суеты,
нирваны некое подобие
и круглый год цветы, цветы,
что тихо вянут у надгробия.

Сюда, бывлые времена
припомнив вдруг, зайду нечаянно,
здесь на граните имена:
отца, жены любимой, мамино.

Давно уж души их в раю,
а здесь в июле столько зелени!..
Зайду, с цветами постою,
свой возраст к их судьбе примеряю.

А за оградой облака,
от солнца крест на церкви светится,
и, уходя, шепчу: «Пока...»
Когда-то выпадет нам встретиться?

* * *

Не спеша опускается вечер,
мягко светится неба экран,
прячет сад гладиолусов свечи,
словно в вату, в белёсый туман.

Плющ укутал любовно ограду,
ветер в яблонях прошелестел,
забываешь дневную досаду
и тщету неоконченных дел.

Всё в другой предстаёт ипостаси,
и внезапно так радует глаз
огонёк на соседней террасе,
что когда-то горел и у нас...

* * *

Чертополох, или репейник,
в колючках острых нелюдим,
он очевидный не соперник
цветам красивым полевым.
Но вдруг соцветьем лиловатым
в застройке вспыхнет
городской...
А ведь его с Хаджи-Муратом
сравнил однажды Лев Толстой.

* * *

Сеял дождик редкий,
а потом исчез,
за железной сеткой
огражденья — лес.

Музыка комарья,
красный мухомор,
из иван-да-марьи
пёстренький ковёр.

Ручеёк в овраге,
глинистый откос,
и наросты чаги
на стволах берёз.

Сена стог у края —
чьей-то след косьбы...
Ягода лесная,
белые грибы.

Из записок грибника

Вот такие, брат, дела,
тут бессильны словари:
по-французски — Валуа,
а по-русски — валуи.

* * *

Когда сосед мой на досуге
врубаёт твист иль ча-ча-ча,
брожу с собакой по округе,
под нос созвучья бормоча.

Ряды лиловые люпина,
заката красное рядом —
как в зале, где идёт картина,
между берёзами темно.

Гигантской ели контур строгий,
над ухом пенье комарья,
и сныть белеет вдоль дороги
сквозь сумрак гаснущего дня...

* * *

Ох, лето северное наше,
«ты южных зим карикатура» —
так каламбурил он с Наташей,
а я здесь повторяю сдуру.

Пусть шмель в саду гудит над розой
и тонет в зелени округа,
я за судьбу волнуясь друга,
и сам я чувствую угрозу.

Я замков призрачных не строю,
ведь наша жизнь как арабеска —
листаю Конквеста порою
да «Носорога» Ионеско.

ОСЕНЬ

* * *

Ранним утром ясна голова,
под конец сентября — бабье лето.
Вот и в строчку сложились слова,
но пока что не видно сюжета.

Увядают на клумбе цветы —
золотые шары и гвоздика,
до начала дневной суеты
Селезнёвка тиха и Палиха.

В этой утренней голубизне
не слабеет мажорная нота...
Женский профиль, мелькнувший в окне,
вдруг напомнит нечаянно что-то.

* * *

Оттенки неба грозowego
от тёмно-серого до серого,
как форма у городского
в эпоху Николая Первого.

* * *

Дары бесценные фортуны,
непреднамеренные встречи —
в писательском посёлке вечер,
гитарные рокочут струны.

Уже в пространствах закоренных
проблемы с верхним освещением,
роняют в лад с гитарным пеньем
листву оранжевую клёны.

А за столом — прозаик, критик
и гость случайный в той орбите,
и праздничное чаепитие,
иль как хотите, назовите.

Где все дышать переставали,
когда, раскованно чертовски,
сам Пётр Ефимыч Тодоровский
играл на старенькой гитаре...

* * *

Сентябрь, и дни ещё короче,
рядами шишки вокруг сосны,
ясней спирали гнёзд сорочьих,
и эти старческие сны.

Какой-то женщиной люблюсь,
смеюсь, пью Шато д'Икем,
и всё целуюсь, всё целуюсь,
не понимая, где и с кем.

И утро, серенькое утро,
в тумане ватном окоём...
А можно жить светло и мудро,
не вспоминая о былом.

* * *

Где вы, Майка и Юлка,
в небесах, в облаках?..
По погосту прогулка,
приютившему прах.

Небо цвета кармина —
новых ждут похорон
в каплях крови калина,
в ярком золоте клён.

Гаснет солнце в аллее,
жук ползёт по плющу...
О прошедшем жалею,
об ушедших грущу.

Уходящее племя,
вот и я не у дел,
видно, вынесло время
на последний предел.

Где конец у маршрута?
Воздух сумрачен, мглист...
Как прыгун с парашютом,
с ветки падает лист.

* * *

Листою засыпаны скверы,
на землю летящей с высот,
а в память Надежды и Веры
цветы раскупает народ.

В осенней причудливой гамме
всё золото клёнов, и вновь
нечаянно вспомнишь о маме,
которую звали Любовь.

Берёзы как те примадонны,
к лицу им осенний наряд,
и в парке Лефортовском клёны
цветными шатрами стоят.

А листья летят вдоль обочин,
пестреют в остывшем пруду,
ведь осень красивая очень
нам выдалась в этом году...

* * *

С лимонно-жёлтой грудкой птичка —
её я вижу сквозь окно, —
просторной осени жиличка,
по веткам скачет озорно.

Ни свиста не слышать, ни скрипа
на нашем странном randevu —
давно уж обронила липа
свою роскошную листву.

Приглаженные ветром перья,
в глазах вопрос, а не испуг —
в реинкарнацию не верю,
в переселенье душ, а вдруг?

Плывёт по улице машина,
цвета меняет светофор,
пичужка и седой мужчина —
без слов мгновенный разговор...

* * *

Постепенно сдулось бабье лето,
и пейзаж вокруг уже иной,
со щита намокшая газета
грязною свисает бахромой.

Мокрые не заняты скамейки,
мимо них шагаю под зонтом,
сосен худосочная семейка
в скверике ютится городском.

Ворох листьев ветром закрутило,
из окна машины слышен блюз,
магазин с названием странным “Billa” —
дыню покупай или арбуз.

Понимаю, жизнь не будет прежней,
попаду я, видно, в переплёт —
как и все, со страхом и с надеждой
доживая високосный год.

* * *

Т. В.

Подлость и ложь, опостылела пресса,
как никогда унизителен страх...
Сонное царство осеннего леса,
листьев метель, паутина в ветвях.

Стали пунцовыми кисти рябины,
неба синей у запруды вода,
жёлуди лупят по крыше машины:
мол, для чего ты заехал сюда?..

* * *

На осень уже обижаться нелепо —
за дверью балконной, как летнее, небо,
так сухо и ясно, что хочется даже
побыть персонажем в осеннем пейзаже...
Просторно и тихо в Лефортовском парке,
где клёнов и лип колоннады и арки,
где слышатся ветра прохладные всплески,
но так согревают твои эсэмэски,
что хочется крикнуть мгновению: «Стой!»
И лист на дорогу летит золотой...

* * *

Как тяжело в реальность новую
войти на долгую разлуку,
где твоего плеча не трогаю,
во тьму протягивая руку.

А утром сновиденье дробное
развеют новости в эфире,
и небо, серое, недоброе,
сольётся с сумраком в квартире.

Где стан твой в блузочке приталенной,
где вихрь объятий? Нету, нету!
Лишь в кронах рыжие подпалины
от в Лету канувшего лета...

* * *

Что, деньки погожие, пока?
Тучи за окном — не облака,
у окна сижу себе в тепле,
капли дождевые на стекле.
Сигареты стелющийся дым,
в общем, ничего себе сидим:
я и на моих коленях кот —
вот такой сюжетный поворот.
Вечереет быстро в октябре...
Думаю всё время о тебе.

* * *

Ни резеды в саду, ни ириса —
к уюту тянет и к теплу,
и жёлтый лист, как будто вырезан,
прилип к оконному стеклу.

Уже смеркается в полпятого,
и лампа освещает дом,
как у Борисова-Мусатова,
красива осень за окном.

Нарядны липы в жёлтых платицах,
меж ними ёлки вразнобой,
и листья по проулку катятся,
как будто гонят их метлой.

Даль в сумерках обеспокоена
вознёй и гвалтом воронья,
отождествляющих по-своему
с гортанным криком злобу дня.

* * *

Дождь пучком висит на фонаре,
осень проявляет своенравье —
бабье лето было в октябре,
даже, может быть, не только бабье.

Выбегал из дома налегке,
было солнце яркое такое,
будто ты спросонья по щеке
проводила тёплой рукою.

И была такая благодать,
каждый день как приобщенье к чуду —
долго буду это вспоминать...
В эту осень листья не убрать,
как со свадьбы битую посуду.

* * *

Покровки дворы, переулки
на карте сплетаются в сеть —
люблю на вечерней прогулке
на старые зданья глазеть.

Фасады эпохи модерна,
ампира дворянского стиль —
в былое гляжу суеверно,
какая красивая была!

И это, поверьте, не фраза,
а, в общем, счастливый момент,
здесь доктора в память Гааза
в Казённом найдёшь монумент.

В берёзах всё больше подпалин...
А стоит назад повернуть —
поручик какой-то был Лялин,
пора и его помянуть.

И сам в переулках покровских,
с балладой, струящейся с уст,
Василий Андреич Жуковский —
под окнами гипсовый бюст.

А осень меняет наряды,
и неба отлив в бирюзу,
взирают с фронтона наяды
на то, что творится внизу...

* * *

А дни всё холоднее, холоднее,
не различить, где тополь и где клён,
когда впотьмах шагаешь по аллее,
на голову накинув капюшон.
Листву уже в мешки упаковали,
свезут куда-то на грузовиках...
Луна висит подобием медали,
когда просвет находит в облаках.
А ветерок — почти уже до дрожи,
огнями тускло светит магазин,
и никого — ни встречающих, ни прохожих,
как будто в целом мире я один.

* * *

В любой поре особый склад:
вороны вьются у вокзала,
решительно похолодало,
и завершился листопад.

В любом сезоне свой манер:
прозрачны кроны, небо хмуро,
как сквозь старинную гравюру,
иду через пустынный сквер.

* * *

Если был восход багровым,
полным будет беспредел —
то-то высохший кленовый
листик в форточку влетел.

Эта осень догорает —
так, что в окнах меркнет свет,
лист последний облетает,
как с мундира эполет.

Мэри происки, арфистки,
вспомнил вдруг — и в горле ком.
Пастернак... Бутылка виски
застоялась за стеклом.

Ни к чему мне лёд и тоник —
только виски тратить зря...
Лист упал на подоконник
в день последний октября.

* * *

Кто-то слушает прибой
в Сен-Тропе или под Ниццей,
ну, а я вчера домой
возвратился из больницы...

В переулке виден храм,
где вчера затеплил свечи,
в лица вглядываюсь дам,
что шагают мне навстречу...

Шарф заправив на ходу,
не спеша, в людском потоке
вот иду себе, иду,
сочиняю эти строки.

Значит, буду жить пока,
жить, и хвост держать морковкой,
и смотреть на облака
кучевые над Покровкой.

Содержание

Об этой книге3

Перед мраком

«Над полем, над лесом, над плёсом...»	5
«Земной фонарь, холодное светило...»	7
«Я не учился на филфаке...»	8
«На фотографии отца...»	10
«Я разбужен был без причины...»	11
«По Поварской из института...»	12
«Это двор, в котором коньки отброшу...»	13
«Я засыпаю без усилий...»	14
«Не расскажу, как было всё вначале...»	15
«Там по утрам будил вороний грай...»	17
«Поглядишь — и день не тяжек...»	19
«Мы каждый день на волос от беды...»	20
«Анекдот для читающей публики...»	21
«Бунинский девятитомник...»	22
«Под утро кричала чумная ворона...»	23
«Вспомнил лагерное лето...»	24
«Наш кот Радамес не из знатного рода...»	25
«С каких понтов, чего-то ради...»	26
«Кто знает, отчего родятся строки...»	27
«Я сбросил на пол одеяло...»	29

«Вновь прихожу сюда порою...»	30
«За столиком — стареющий мужчина...»	32
«Ты умна и красива, и облик твой мил...»	34
«Люблю пройтись по улице Мясницкой...»	35
«Всё в этом мире временно...»	37
«Музейная до неба зона...»	39
«Ночь опрокинута на треть...»	41
«Умаясь за день, не спяна...»	42
«Я не поклонник музыки Асафьева...»	43
«Зелёный свет, толпа у перехода...»	44
«Повезло, свершилось, подфартило...»	45
«Есть в Карловцах памятник Врангелю...»	46
«Арбат включал период жизни важный...»	47
«И когда на последнем пределе...»	48
«Вам как, не знаю, ну а мне не нравится...»	49
«Вот теперь сам себе завидую...»	50
«Я краснею при ней и бледнею...»	52
«Что нам история чужая...»	54
«Мне всё в твоём облике нравится...»	55
«Весь в солнце в такую погоду...»	56
«Медленно давая задний ход...»	57

Годовые кольца

Зима

«Скользну на воздух втихомолку...»	58
«Январский день встаёт с порошею...»	60

«Густой и влажный снегопад сегодня...»	61
«Ночью ломился в оконницу ветер...»	62
«Будто с неба известие...»	63
«Припомнишь в разгар карантина...»	65
«Любви доверюсь и надежде...»	66
«Итак, отбываем по новой...»	67
«Дом девятиэтажный...»	69
«Ты не рада зиме? Я не рад...»	71
«Здесь частных тысячи историй...»	72
«Гряда облаков, как из жести...»	73
«Как мыслям не прийти тревожным...»	74
«Февральский день, убогое предместье...»	75
«Я ехал, интереса ради...»	76
«В каком ключе, каким стихом...»	77
«Двойные заклеены рамы...»	78
«Небо снова как будто из жести...»	80

Весна

«Знаешь, а зимы немного жалко...»	81
«Небо стало голубей...»	83
«Произвольно возникают...»	84
«Сойди на станции Раздоры...»	85
«В печи с наступлением марта...»	86
«Дрожат балконные перила...»	87
«Капелью с крыш сочились здания...»	88
«Гляжу наутро после Пасхи...»	89

«Тут ни Сбербанк не в теме, ни Госстрах...»	90
«Сырые тучи над Усадковым...»	91
«В мае холодно на даче...»	92
«Сначала день был мрачноват...»	94
«Какие дни настали славные...»	95
«Когда мутны небес верхи...»	96
«Гнут ветки голые и хвою...»	97
«Словно утром ворона накаркала...»	98
«По-над крышами воздух синий...»	99
«Я вспомнил напряжённый зал...»	100
«Небо серое, как ртуть...»	101
«Спалось отлично на террасе...»	102

Лето

«Вам из Усадково с любовью...»	103
«Начала лета дни прозрачные...»	104
«Вот, кажется, грянуло лето...»	105
«Мне погода такая нравится...»	106
«Я расстегнул рубахи ворот...»	107
«Вдруг птичка влетела в окно...»	108
«Все тут в плавках и в бикини...»	109
«Опять с утра ни ветерка...»	110
«А я загораю на даче...»	111
«Фотография, пляж в ле Ционе...»	112
«Тут ни возни, ни суеты...»	113
«Не спеша опускается вечер...»	114

«Чертополох, или репейник...»	115
«Сеял дождик редкий...»	116
Из записок грибника	117
«Когда сосед мой на досуге...»	118
«Ох, лето северное наше...»	119

Осень

«Ранним утром ясна голова...»	120
«Оттенки неба грозового...»	121
«Дары бесценные фортуны...»	122
«Сентябрь, и дни ещё короче...»	123
«Где вы, Майка и Юлка...»	124
«Листовою засыпаны скверы...»	126
«С лимонно-жёлтой грудкой птичка...»	127
«Постепенно сдулось бабье лето...»	128
«Подлость и ложь, опостылела пресса...»	129
«На осень уже обижаться нелепо...»	130
«Как тяжело в реальность новую...»	131
«Что, деньки погожие, пока?..»	132
«Ни резеды в саду, ни ириса...»	133
«Дождь пучком висит на фонаре...»	134
«Покровки дворы, переулки...»	135
«А дни всё холоднее, холоднее...»	137
«В любой поре особый склад...»	138
«Если был восход багровым...»	139
«Кто-то слушает прибой...»	140

Виктор Михайлович Есипов

ПЕРЕД МРАКОМ

Корректор *Д. А. Синицына*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 70×100/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 5,85. Тираж 100 экз. Заказ № 2826

Издательство «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243-32-82

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт-Петербург
Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
(150 м от ст. метро «Чкаловская»)
Телефон +7 960 243-32-82
E-mail: pr@nestorbook.ru
- Москва
Раушская набережная, 4/5, строение 1,
кабинет 204 (ст. м. «Новокузнецкая»)
Телефон +7(499)755-96-25
E-mail: nestor_history_moscow@bk.ru

**КУПИТЬ
БУМАЖНЫЙ
ИЛИ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ВАРИАНТ
НАШИХ КНИГ
МОЖНО
НА САЙТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
NESTORBOOK.RU**

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и получить их в наших пунктах самовывоза в Москве и Санкт-Петербурге (по будням с 10 до 18)
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России» по предоплате и наложенным платежом
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и скачать из личного кабинета или получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965)048-04-28 или пишите на e-mail: booknestor@gmail.com

**КАК МОЖНО
ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ**

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза
- Не хотите ждать доставку? Отложите книгу в любом удобном для Вас магазине: рядом с домом, работой или учебной. Ваш резерв будет ждать Вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

**ЗАКАЗАТЬ
И ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
ВЫ МОЖЕТЕ
НА САЙТАХ
КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ**

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет-магазин «Лабиринт»
- Интернет-магазин «Озон»
- Интернет-магазин «Москва»
- Интернет-магазин Books.ru
- Интернет-магазин Esterum
- «Читай-город»
- «Библио-глобус»
- «Буквоед»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателя»
- Дом книги в СПб
- «Русское зарубежье»
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- РОСФОТО
- «Свои книги»
- «Дом университетской книги»